

HANS-VEIT BEYER, Über den Sachverhalt der Demosthenischen Rede für Phormion, Inaugural Dissertation, Berlin, 1969, 233 стр.

Тридцать шестая речь Демосфена, написанная им для Формиона, вольноотпущенника и преемника знаменитого афинского трапезита Пасиона, связана со сложными имущественными отношениями, сложившимися в этой семье после смерти ее главы. Несмотря на то, что

к моменту смерти Пасиона его старшему сыну Аполлодору было уже 24 года (Dem., XXXVI, 22), опека над несовершеннолетним младшим сыном Пасиклом и руководство имущественными делами семьи было передано вольноотпущеннику Формиону. Более того, Формион женился на

вдове Пасиона Архиппе, получив за ней очень большое приданое. В течение ряда лет Формион, арендовавший трапезу и мастерскую шифов, распорядился делами дома Пасиона, к возмущению и недовольству Аполлодора. Спорные вопросы несколько раз разрешались с помощью арбитража (Dem., XXXVI, 15—16; XLV, 4, 17); наконец, после совершеннолетия Пасикла был произведен окончательный раздел наследства Пасиона между его сыновьями, и Формион как будто мог считать себя свободным от дальнейших претензий Аполлодора.

В то время как дела у Формиона шли блестяще, состояние все возрастало и он за заслуги перед Афинским государством удостоился гражданских прав, Аполлодор растратил доставшееся ему в удел состояние. Много времени спустя после смерти Пасиона (370/369 г. до н. э.) и окончательного раздела наследства (361/360 г. до н. э.) Аполлодор возбудил судебное дело против Формиона¹, обвинив его в присвоении находившихся в трапезе денег Пасиона и других злоупотреблениях, в частности, в фальсификации завещания Пасиона и договора об аренде трапезы. Формион опротестовал с помощью так называемой *παράκλησις* правомерность самого иска (*ὅτι εἰσαγωγήμος*) на том основании, что спорные вопросы были разрешены соглашением сторон при арбитраже и Аполлодор тогда отказался от претензий к нему (*ἀφεσις* или *παλλαγή*)². По афинским законам дело в этих случаях считалось оконченным и не подлежало судебному разбирательству по существу. Но решение о правомерности отклонения иска выносилось судом после выслушивания обеих сторон.

Речь, написанная Демосфеном для Формиона, считается лучшей из его «частных» речей. Она произвела такое сильное впечатление на судей, что они не пожелали даже выслушать Аполлодора. Протест Формиона был признан убедительным, что лишило Аполлодора права на какие бы то ни было дальнейшие претензии к нему. К тому же Аполлодор должен был уплатить штраф. Хотя тяжба формально на этом закончилась, Аполлодор в отместку привлек к суду Стефана, одного из свидетелей Формиона, с обвинением в лжесвидетельстве (*δίκη ψευδομαρτυρίας*, Dem., XLV, XLVI).

Восемь речей демосфеновского Corpus'a связаны с делами Аполлодора (XXXVI, XLV, XLVI, XLIX, L, LII, LIII, LIX) и только одна из них написана

для его противника. Принадлежность XXXVI речи Демосфену не вызывает сомнений, относительно XLV речи мнения расходятся, остальные шесть приписываются самому Аполлодору или какому-либо другому оратору. Политические противники Демосфена обвиняли его в том, что он почти одновременно сочинил речи и для Формиона против Аполлодора и для Аполлодора, угрожая в корыстных целях обоим (Aesch., II, 165). Если считать XLV речь произведением Демосфена, то это обвинение в известной мере оправдано, так как изблечение Стефана в лжесвидетельстве было по существу изблечением Формиона. Независимо от авторства включенных в Corpus Демосфена речей, связанных с делами семьи Пасиона, они содержат чрезвычайно ценный материал об имущественных, социальных и правовых отношениях в Аттике IV в. до н. э. Вопрос наследственного права, различные аспекты деятельности трапез, роль рабов и вольноотпущенников в семье и хозяйстве, новые и коренные граждане, литургии, долговое право, юридические нормы деятельности афинских судов — таков далеко не полный перечень затрагиваемых в них вопросов.

Работа Бейера посвящена анализу XXXVI речи Демосфена и представляет собой развернутый историко-юридический и филологический комментарий к ней. В кратком введении обращение к этой теме объясняется стремлением показать правомерность изменения в позиции Демосфена: защита Формиона против претензий Аполлодора (XXXVI речь), оратор, по мнению Бейера, выступал за неправо дело. Переход Демосфена на сторону Аполлодора (XLV речь) вызван не только политическими³, но и морально-этическими мотивами, ибо прав в споре был не Формион, а сын Пасиона.

Анализируя характер судебного иска, возбужденного Аполлодором, Бейер заключает, что речь идет не о *δίκη βλάβης*, при которой ответчик повинен в нанесении кому-либо ущерба без материальных для себя выгод, а о *δίκη ἀργυρίου* — Формион обвинялся в присвоении денег Пасиона, вложенных последним в трапезу

Основная часть работы — *Interpretation* (стр. 25—167) — построена следующим образом; приводится отрывок из текста

³ Некоторые последователи (Blass, Weil) объясняют неоследовательность Демосфена тем, что он обязан был Аполлодору, поддержавшему его антимакедонскую политику своим законопроектom об использовании средств из кассы феорикона на военные нужды (ID e m.), 59, 3, 5). Бейер (стр. 12) отвергает это по хронологическим соображениям, так как речь против Стефана была написана за несколько лет до внесения законопроекта

¹ Датировка XXXVI речи Демосфена спорна. Наиболее вероятна дата 352/351 г. до н. э., которую принимает и Бейер (стр. 122—126).

² Dem., XXXVI, 23, 25; ср. XVIII, 224; XX, 147; XXIV, 54—55; XXXVIII, 16.

речи и далее следует комментарий с привлечением речей других афинских ораторов и научной литературы. Текст рассматривается в последовательном порядке, от первого параграфа и до конца. Такая композиция позволяет дать законченный и детальный филологический и исторический анализ и свидетельствует о тщательности работы над текстом источника⁴. После этого следуют: исторический экскурс «К истории дома Пасиона» (стр. 169—207), приложение «К вопросу об аутентичности документов в первой речи против Стефана» (стр. 209—213), индексы (источники, реалии, просопография, грамматические и риторические особенности, современные авторы). Индексы очень подробны и полезны читателю. В начале книги приведена краткая библиография, включающая лишь специально относящиеся к теме работы (в основном комментированные издания речей Демосфена) начиная от XVIII в. (J. Reiske, 1767 г.) и кончая 50—60 годами XX в. (Gernet, Wolff). Учтены прежде всего работы на немецком языке. Ссылки на надписи даются по первому изданию IG.

Сопоставляя и анализируя приводимые в речи аргументы Формиона, Бейер опровергает их один за другим и приходит к выводу, что вольноотпущенник Пасиона подделал с помощью его вдовы завещание и договор об аренде трапезы, незаконно вошел в семью бывшего господина и обогатился за счет его детей, а законным и обоснованным протестам сына Пасиона он противопоставил ложесвидетелей. Решение афинского суда в пользу Формиона объясняется лишь талантом Демосфена, который смог представить своего клиента — плуга и мошенника — верхом порядочности и благородства и так настроить судей против Аполлодора, что они и слушать не захотели его контрдоводов (Dem., XLV, 6)⁵.

Бейер, сам или опираясь на своих предшественников, постулирует те или

⁴ Автор, обосновывая свое понимание текста, приводит различные варианты рукописного чтения и толкования издателей и комментаторов. Убедительными представляются предлагаемые переводы § 3, 4, 5, 7, 22, 30, 55, 57 (стр. 30—33, 38—40, 98, 109—110, 158—160).

⁵ В первой речи против Стефана (Dem., XLV, 57 сл.) Аполлодор жалуется, что в запечатанном ящике с предъявлявшимися суду документами не оказалось важного для него свидетельства. Он прямо обвиняет в этом Стефана. Бейер (стр. 165, прим. 1) выдвигает необоснованное предположение, что еще раньше, при обсуждении *παράγραφῃ* Формиона, Аполлодор высказал подозрение против готовившего дело архонта и этим вызвал такое раздражение судей, что они не позволили ему говорить.

иные принципы аттического права, затем показывает, что факты, приведенные в деле, этим принципам противоречат, и заключает отсюда, что они вымышленны, сфальсифицированы или противозаконны. Между тем, материал, касающийся взаимоотношений в семье Пасиона после его смерти, приведенный как в XXXVI речи, так и в других речах, связанных с делами Аполлодора, не подтверждает справедливости такого вывода.

Так, Формион постоянно ссылается на то, что действовал согласно завещанию Пасиона, который назначил его опекуном младшего сына Пасикла и предлагал жениться на своей вдове Архиппе, лучшейшей большое приданое (Dem., XLV, 28; XXXVI, 7—8). Бейер считает это завещание фальшивкой, сочиненной Формионом (стр. 50—60). При этом он опирается на следующие доводы: свидетели, подтвердившие, что видели документ с надписью «Завещание Пасиона», не знали его содержания; приданое Архиппе непомерно велико; по афинскому закону, приписываемому еще Солону, право завещания имели лишь те, у кого не было детей (Dem., XLVI, 14; Isae., X, 12—13; Plut., Solo, XXI); наконец, по другому закону опекуне не вправе был жениться на матери сирота, если в случае смерти подопечных к нему переходило их имущество (Diog. Laert., I, 56). Приведя эти доводы, Бейер в то же время не прошел мимо общезвестного факта, что отец Демосфена, имея сына (правда, малолетнего) и дочь, оставил завещание, по которому не только назначил опекунов, но распорядился судьбой жены и дочери, определив первой приданое, превышавшее то, которое она внесла в дом (Dem., XXVII, 4 сл.). Он заключает отсюда, что судьи в Афинах не очень были строги к букве закона и Демосфен в XXXVI речи поэтому мог доказывать им законность завещания Пасиона (стр. 61—63, 114, 187, 194).

Не говоря уже о том, что этим снимается один из доводов против подлинности завещания Пасиона, следует заметить, что само применение к приведенным случаям закона Солона о завещаниях неправомерно. В законе Солона речь идет о праве передавать свое имущество за пределы семьи или рода, и это разрешается только бездетным людям. Ни Демосфен старший, ни Пасион своими завещаниями не лишили детей наследства. Право же обеспечить жену, даже при наличии детей, вряд ли исключалось законами Афин⁶. К тому же Архиппа по происхождению не была афинской гражданкой и, очевидно, не имела в Афинах родственников — отца или брата, которые могли бы о ней позаботить-

⁶ Ср. аналогичные установления в вавилонских законах II тыс. до н. э.: ZH, 150.

ся⁷. Хотя сын ее и Пасиона Аполлодор был уже совершеннолетним к моменту смерти отца, но последний, очевидно, не очень на него полагался. Он и предпрятия свои и малолетнего сына доверил другим людям (Dem., XLV, 27). Что касается очень больших размеров приданого, завещанного Архиппе (более 3 талантов), то это может быть объяснено как огромным состоянием Пасиона, так и желанием еще более привлечь Формиона к своей семье.

Непопятен довод Бейера относительно опекуна, которому достается наследство в случае смерти сирот. Если в Афинах и существовал такой закон, то он к данному случаю не подходит. Формион не унаследовал бы имущества Пасикла, если бы тот умер во время опеки, так как у Пасикла был брат Аполлодор. Более серьезным доводом против достоверности завещания Пасиона является то, что к моменту его смерти Формион был только вольноотпущенником и еще не имел гражданских прав⁸. Здесь, очевидно, следует учесть, что ни сам Пасион, ни Архиппа не были коренными афинянами, что Формион оказался единственным человеком, которому Пасион мог спокойно верить судьбу своего дела и семьи. Не исключена возможность и того, что Пасион не только надеялся, но и заручился обещаниями своих влиятельных друзей, что Формион в конце концов станет афинским гражданином. Перед ним был открыт тот же путь, который прошел его бывший господин⁹.

Видя в Формионе ловкого плута, Бейер считает неосновательным его утверждение, что Аполлодор, резко протестовавший вначале против брака матери с вольноотпущенником его отца, признал потом законность этого брака, когда согласился после смерти Архиппы разделить ее приданое с детьми Формиона (стр. 81—85, 114, 119). По мнению Бейера, право на приданое умершей матери имели только дети от второго брака, и то, что Формион согласился выделить доли детям от первого брака — Аполлодору и Пасиклу, свидетельствует о его стремле-

⁷ Упоминаемый в двух афинских надписях (334/333 г. и 325/324 г. до н. э.) Архипп, сын Формиона, из дема Пирей был, очевидно, сыном Формиона от Архиппы. Имя по матери характерно для людей рабского происхождения, не имевших генеалогии даже в ближайших поколениях. Любопытно, что Либаний в *περὶ εὐσεβείας* к XXXVI речи Демосфена называет Архиппу *πίλλυξος* Пасиона.

⁸ Он получил их только в 361/360 г. до н. э. (Dem., XLVI, 13).

⁹ Сохранились свидетельства о латургиях Формиона, о том, что он в числе самых богатых жителей Афин возглавлял симморию плательщиков эйфоры (Dem., XXI, 157).

нию заглазить вину и прикрыть незаконность своих действий. Однако в афинских источниках, насколько нам известно, нет прямых указаний на существование подобного принципа наследования. Приводимые в пользу этого примеры о втором браке вдовы или разведенной жены (Dem., XL, 6, 7)¹⁰ не подходят во всяком случае к Архиппе. Она не перешла в дом Формиона, а осталась жить в доме первого мужа. Если прибегнуть к аналогии, то стоит напомнить законы Переднего Востока относительно имущественных прав женщины и ее детей, в которых учитывалось, перешла ли она в дом мужа, или он пришел к ней¹¹. Нам представляется, что все дети Архиппы имели право на долю в ее приданом¹². То, что Аполлодору досталось несколько больше, чем остальным детям (подарки матери при ее жизни), вполне может быть объяснено его старшинством, наглой требовательностью и желанием Архиппы и Формиона прекратить семейные распри. Характерно, что ни младший сын Пасиона Пасикл, ни тесть Аполлодора Дейний, не выступают против Формиона (Dem., XXXVI, 22; XLVI, 55, 83). Относительно Пасикла Аполлодор не стесняется намекать, что он незаконный сын Формиона (Dem., XLV, 3, 27, 83; XLVI, 21), но позицию Дейния он не мог объяснить, прибегая к инсинуациям против покойной матери.

Бейер считает сфальсифицированным не только завещание Пасиона, но и текст договора об аренде трапезы, во всяком случае в последней его части, где говорится о долге Пасиона трапезе в размере 11 талантов (Dem., XXXVI, 4—6). По сути дела эта претензия и лежит в основе последнего иска Аполлодора к Формиону. Он, правда, оценен в 20 талантов, но предполагают, что в него вошли накопившиеся за длительный срок проценты. Аполлодор уверяет, что при сдаче трапезы в аренду там были оставлены личные средства Пасиона (первоначальный оборотный капитал — *ιστορικόν*). Это категорически отрицает Формион, привлекая в качестве свидетелей своих преемников по аренде. У Аполлодора нет никаких доказательств, кроме принятого в греческой риторике довода *εὐχολογία* (наиболее вероятно, правдоподобное); столь высокую арендную плату никто не стал бы платить только за оборудование; следовательно, была *ιστορικία*. Бейер считает этот довод убедительным, а свидетельство преемников Формиона по аренде объясняет тем, что это были его люди.

¹⁰ В толковании вопроса о праве детей на приданое матери Бейер ссылается на Вольфа (H. J. Wolf, RE, 23, I (1957), стб. 154, s. v. *προίτιον*).

¹¹ См., например, 3X, 172; CA3 III, 26—29; X3, 27.

¹² Ср. 3X, 167, 173—174.

Однако эти четыре арендатора, бывшие рабы Пасиона, получили свободу от его сыновей, т. е. с согласия Аполлодора, который легко мог бы воспротивиться этому. Кроме того, неоспоримым представляется контрдовод, что размер арендной платы сохранился и при смене арендаторов, при которой речи не было о какой бы то ни было ἀφορμή (Dem., XXXVI, 12).

Анализируя свидетельство о средствах трапезы и состоянии Пасиона, Бейер останавливается на этом, вызвавшем много толкований, месте (Dem., XXXVI, 5): Демосфен говорит, что у Пасиона было более чем на 20 талантов недвижимого имущества (ἐγγυσιος ... οὐσία), кроме того, более 50 талантов, отданных займам (ἀργύριον ... δαδαναισμένον ἴδιον πλέον ἢ πεντήκοντα τάλαντα). Из них 11 талантов, отданных в рост из вкладов трапезы ἐν οὖν τοῖς πεντήκοντα τάλαντοῖς τοῦτοις ἀπὸ τῶν παρακαταθήκων τῶν τῆς τραπέζης ἑνδεκά τάλαντα ἐνεργὰ ἦν). Смысл последней части неясен: если 50 талантов принадлежали Пасиону, то почему они отнесены к вкладам трапезы? Если же только 11 талантов взяты были из вкладов, почему они включены в общую цифру 50? Короче говоря, как разделить здесь личные средства Пасиона от денег вкладчиков?

Приводя различные предложенные в литературе толкования, Бейер заключает (стр. 410): «Aus dem Wirrgar kann ich nicht herauskommen», однако предлагает все же гипотетическое объяснение: если считать, что всего в трапезе было 50 талантов, а спор идет об 11 из них, причем Аполлодор утверждает, что они принадлежали Пасиону, Формион — вкладчикам, тогда надо вычеркнуть слово ἴδιον. Но Бейер присоединяется к толкованию Hornbostel'a (стр. 42, 44—45): 50 талантов, по словам Аполлодора, — деньги Пасиона. Затем в интересах Формиона оратор расчленяет их на собственный капитал и депозиты. Пасион, кроме земельных владений, имел в займах privat verliehenes Eigenkapital в размере свыше 50 талантов. Сюда включены 11 талантов, инвестированных (gewinnbringend angelegt) из депозитов. Смысловое ударение лежит не на ἐνεργὰ, ибо это относится ко всем 50 талантам, а на ἀπὸ τῶν παρακαταθήκων, ибо остальные 39 талантов не относятся к вкладам. У Пасиона при сдаче трапезы в аренду было там своих 11 талантов, и претензия на них Аполлодора обоснована.

Мне представляется, что слово ἴδιον имеет смысловую связь не с ἀργύριον, а с δαδαναισμένον и говорит не о принадлежности денег Пасиону (это было бы излишне подчеркивать при перечне его имущества), а о том, что эти деньги были одолжены им «от себя»¹³. Когда же он

передавал дело, надо было точно разграничить личные средства Пасиона от денег вкладчиков. Вряд ли случайно, что займы из средств вкладчиков — 11 талантов — обеспечивались недвижимым имуществом. Что касается займов из средств самого Пасиона, то они могли быть даны под различное обеспечение. Эти займы, хотя и внесенные при Пасионе в книги трапезы, очевидно, исключены были из ведения арендаторов. Известно, что Аполлодор в течение ряда лет и через суд и по договоренности взыскивал следующие его отцу суммы (Dem., XXXVI, 36, 38). Это никак не отражалось на арендной плате и арендаторы трапезы, по-видимому, не имели к этим деньгам отношения.

Бейер вместе с Аполлодором оспаривает долг Пасиона трапезе (11 талантов), считая это последующей припиской Формиона к тексту арендного договора (стр. 45—46). Формион мотивировал этот долг тем, что, поскольку при сдаче трапезы в аренду он еще не имел гражданских прав, он не смог бы воспользоваться правом кредитора на захват заложенного имущества неисправных должников. Поэтому Пасион взял на себя эти долги трапезе. Бейер отвергает это объяснение, заявляя, что Пасиону незачем было это делать, так как взыскание долгов мог взять на себя Аполлодор, сохранявший права собственника на сданную в аренду трапезу. Однако здесь получается circulus vitiosus. Аполлодор взыскивал только те долги, которые следовали самому Пасиону, а не вкладчикам. Если эти 11 талантов принадлежали вкладчикам, их взысканием должны были заниматься арендаторы трапезы. Древнегреческая практика аренды, в отличие от римской, предполагала полное освобождение собственника имущества от каких бы то ни было хозяйственных забот.

Таким образом, попытки целиком и полностью оправдать претензии Аполлодора и представить действия Формиона цепью жульнических махинаций оказываются неубедительными. В то же время следует учитывать исключительную тенденциозность такого рода источников, как судебные речи. Когда читаешь Трапезитик Исократ, вина Пасиона, жестоко обманувшего доверие своего боспорского клиента, представляется бесспорно доказанной¹⁴. Между тем, как явствует из последующей карьеры Пасиона,

он фактически утратил свою дееспособность, он привлек Формиона к делам в качестве компаньона.

¹⁴ Остроумно, хотя и не может быть доказано, предположение Бейера, что у Пасиона был тайный стговор с боспорским правителем Сатиром, представителям которого он выдал часть хранившихся у него средств юного боспорца (стр. 170—174).

¹³ Не исключена возможность, что в последний период жизни Пасиона, когда

афинский суд не признал его виновным. Правда, обманчивое впечатление от судебных речей возникает в результате того, что обычно мы имеем дело с показаниями лишь одной стороны и нет возможности следовать обязательному принципу: *audiatur et altera pars*. Однако как раз в случае с тяжбой Аполлодора — Формиона непостоянство Демосфена поставило нас в благоприятное положение — у нас две его речи, написанные для обеих спорящих сторон (XXXVI и XLV), и можно сопоставить их аргументы и контрдоводы. Кроме того, о различных сторонах деятельности Аполлодора известно из других его судебных процессов, от которых, правда, не сохранились речи его противников. Сопоставляя все данные, мы видим, что далеко не все упреки Формиона в адрес Аполлодора справедливы. Аполлодор не уклонялся от трат на литургии, а напротив, проявлял иногда чрезмерную щедрость (*Dem., L. passim*). Он охотно помогал попавшим в беду друзьям (*Dem., LIII*). В то же время многие бесспорные факты свидетельствуют о его неспособности продолжать дело отца, о непомерной расточительности, стремлении жить напоказ. Не Формион был повинен в материальных затруднениях Аполлодора, который умел легко тратить, но не приобретать. Если Формион и извлек для себя материальные выгоды из своей опеки и аренды трапезы, то его заслуги в сохранении и приумножении наследства Пасиона были немалыми.

В столкновении Аполлодора с Формионом проявляются два начала в экономической и социальной жизни Афин IV в. до н. э. Аполлодор, новоиспеченный афинский гражданин, сын бывшего раба, стремится жить по старым традициям, занимаясь немного сельским хозяйством, но в основном активно участвуя в политической жизни и уклоняясь от предпринимательской деятельности. Формион,

человек того же социального круга, прошедший тот же путь от раба до афинского гражданина, построил свою жизнь иначе: он всю свою энергию вкладывает в дела — кредитные операции, торговлю, предпринимательство. И победа не только в судебной тяжбе, но и во всей жизненной практике оказывается на его стороне. Младший сын Пасиона Пасикл, не пошедший по стопам Аполлодора, а избравший тесное сотрудничество с Формионом, преуспел гораздо больше, чем старший брат.

Несогл сие с основными выводами Бейера относительно характера судебной тяжбы между Аполлодором и Формионом не умаляет положительной оценки его работы. Она выполнена очень тщательно¹⁵. Подробные филологический и исторический анализы текста будут полезны любому исследователю, который вновь обратится к этим источникам, отражающим картину сложных имущественных и социальных отношений в Аттике IV в. до н. э. на примере одной семьи. Значение этого материала тем более велико, что здесь выступает перед нами характерное для IV в. до н. э. расширение гражданского коллектива за счет людей, вступающих носителями новых тенденций в экономической и социальной жизни греческого полиса.

Л. М. Глушкина

¹⁵ Замеченные опечатки и неточности: стр. 32 — в цитате из *Dem., XXXVI*, 49 написано *τηλιαυτην* вместо *τηλιαυτην*; стр. 201 — в цитате из *Dem., XXI*, 157 написано *Δοσιθειδη* вместо *Δοσιθειδη*; стр. 204 — написано *τριρες* вместо *τριρες*, там же неверно дана ссылка на статью Н. Fränkel'a — AM 37 (1922), а надо AM 38 (1923); стр. 229, s. v. *Deinias* — написано *Schiegervater* вместо *Schwiegervater*.